

Е.Т. Гурвич, Экономическая экспертная группа, Москва

Долгосрочные демографические вызовы и пенсионная политика

Главные глобальные демографические тенденции второй половины XX и начала XXI в. состояли в существенном увеличении продолжительности жизни населения при снижении рождаемости. По данным ООН (UN, 2009) за последние шесть десятилетий средняя продолжительность жизни в мире увеличилась на 21 год (почти в полтора раза). Результатом этого стали значительные сдвиги в структуре населения планеты. Как свидетельствуют данные табл. 1, за период с 1950 по 2010 г. удельный вес несовершеннолетних снизился на 7,6 процентных пункта (п.п.). Убыль в этой возрастной группе компенсировалась равным ростом удельного веса работоспособного населения (от 16 до 65 лет) и населения старшего возраста. Особенно выраженным было старение населения в наиболее развитых странах¹ – здесь доля несовершеннолетних упала на 11,5 п.п. и на столько же повысилась доля пожилого населения. В странах со средним уровнем доходов удельный вес молодых снизился почти так же (на 9,8 п.п.), однако это произошло в основном за счет увеличения доли трудоспособного населения (которая повысилась на 6,6 п.п.).

В России падение доли молодого населения (14,4 п.п.) оказалось значительно более выраженным, чем в рассматриваемых группах стран и в мире в целом. Как и в странах со средними доходами, убыль несовершеннолетних распределилась между трудоспособным и пожилым населением. Однако доля населения старшей возрастной группы увеличилась почти, как в развитых странах (на 9,2 п.п.).

Таблица 1. Возрастная структура населения по группам стран (отчетные данные, оценки и прогнозы на 1 июля соответствующих лет)²

Год	Возрастные группы (лет), %			
	До 15	15–64	От 65	Всего
Весь мир				
1950	34,1	60,7	5,2	100,0
2000	30,0	62,1	7,9	100,0

¹ К этой группе здесь отнесены страны Северной Америки, Европы, Япония, Австралия и Новая Зеландия.

² Для 2030 и 2050 гг. приводятся цифры среднего сценария.

2010	26,5	64,5	9,0	100,0
2030	22,2	64,2	13,7	100,0
2050	18,8	61,5	19,7	100,0
Развитые страны				
1950	27,4	64,8	7,9	100,0
2000	17,8	65,3	17,0	100,0
2010	15,8	64,8	19,4	100,0
2030	14,5	58,3	27,2	100,0
2050	14,1	53,3	32,6	100,0
Страны со средними доходами				
1950	36,8	59,2	4,0	100,0
2000	31,5	62,5	6,0	100,0
2010	27,1	65,8	7,1	100,0
2030	21,5	66,1	12,4	100,0
2050	17,8	62,3	19,9	100,0
Россия				
1950	28,9	64,9	6,2	100,0
2000	17,9	68,1	14,0	100,0
2010	14,5	70,0	15,4	100,0
2030	14,7	63,0	22,3	100,0
2050	15,3	56,9	27,8	100,0

Источник: UN, 2008.

По оценкам ООН, в обозримом будущем тенденция старения населения продолжится. В результате доля пожилого населения к 2030 г. увеличится в 1,5 раза по сравнению с 2010 г., а к 2050 г. – в 2,2 раза (см. табл. 1). Для развитых стран ожидаемый рост удельного веса старшей возрастной группы будет несколько меньшим (в 1,4 раза к 2030 г. и в 1,7 раза к 2050 г.). Однако это говорит не о стабилизации возрастной структуры населения в развитых странах, а о распространении этого процесса и в других странах. Старение населения создает серьезную угрозу устойчивости бюджетных систем. Масштабы возникающих проблем и возможный ответ на них уже давно стали предметом анализа и обсуждения в развитых странах и международных организациях (см., например (European Commission, 2006; 2009; UN, 2009)).

Аналогичные проблемы стоят и перед Россией (хотя до сих пор они не привлекли должного внимания экспертов и правительства). ООН предсказывает, что в нашей стране

доля пожилого населения вырастет в 1,4 раза к 2030 г. и в 1,8 раза к 2050 г. Росстат (Росстат, 2010) прогнозирует рост доли населения пенсионного возраста к 2030 г. в 1,3 раза.

Описанные демографические тенденции ставят под сомнение долгосрочную жизнеспособность традиционных пенсионных систем. Преобладающие в настоящее время распределительные системы можно рассматривать как перенос принципа «солидарности поколений» с уровня семьи на уровень государства. В доиндустриальном обществе пожилых членов семьи поддерживали их взрослые дети. Характерной чертой нового времени стало снижение числа детей в семье (Galor, 2005) – соответственно, многие пожилые семьи стали сталкиваться с отсутствием «кормильцев». Распределительные пенсии основаны на том же принципе – «молодые кормят пожилых», – перенесенном на всю страну (которая выполняет роль «расширенной семьи»). Такой подход позволяет устранить зависимость положения старшего поколения от числа детей в семье.

Вместе с тем, принцип солидарности поколений надежно работает лишь при стабильных пропорциях между численностью работающего населения и пенсионеров. Нетрудно видеть, что в распределительной системе соотношение R между средними размерами пенсий и зарплаты (коэффициент замещения) однозначно определяется сочетанием нескольких показателей: $R = (N/n) t / \gamma$, где N – число работников, уплачивающих пенсионные взносы; n – число пенсионеров; t – ставка взносов; γ – удельный вес пенсионных взносов в источниках финансирования пенсий. Следовательно, снижение соотношения между числом работников и пенсионеров (этот показатель называется «коэффициентом поддержки») при прочих равных условиях неизбежно ведет к падению соотношения между пенсиями и заработной платой. Демографическим аналогом коэффициента поддержки служит численность населения рабочего возраста на одного человека пенсионного возраста (демографический коэффициент поддержки). Если число работников и пенсионеров зависят от ситуации на рынке труда, пенсионного законодательства и т.д., то демографический коэффициент поддержки (рассчитываемый при стандартных границах между возрастными группами) определяется только возрастной структурой населения. При неизменной доле работников во всем работоспособном населении и неизменном отношении числа пенсионеров к численности пожилого населения динамика двух указанных показателей совпадает.

В табл. 2 приведены оценки и прогнозы демографической поддержки. Отметим, что за весь столетний период этот показатель в обеих рассматриваемых группах стран и в России меняется практически одинаково, снизившись одновременно примерно в пять раз. Если в 1950–2010 гг. демографические пропорции ухудшались преимущественно в развитых странах, то в предстоящие десятилетия их будут ускоренно «догонять» страны со средними

доходами. Тем не менее, в развитых странах в ближайшие 40 лет демографический коэффициент поддержки тоже значительно (вдвое) снизится. Это означает, что для сохранения *status quo* в пенсионной сфере развитым странам необходимо либо двукратно увеличить ставки пенсионных взносов (это означает их повышение до 42% по сравнению с нынешним средним по ОЭСР уровнем 21%), либо радикально увеличить масштабы бюджетного финансирования пенсий (до уровня около 12% ВВП, по сравнению с нынешними 2,4% ВВП). Ясно, что такое увеличение пенсионных выплат нереалистично. Предшествующие рассуждения подводят нас к выводу о невозможности сохранить в перспективе пенсионные системы, базирующиеся на распределительном принципе. Это и неудивительно – трудно рассчитывать, что после пятикратного роста числа пенсионеров, приходящихся на одного работника, можно использовать тот же механизм пенсионного страхования, что и столетие назад. Таким образом, как общие соображения, так и конкретные расчеты говорят о неизбежном переходе к новым парадигмам пенсионной политики.

Таблица 2. Показатели демографической поддержки (отчетные данные, оценки и прогнозы)

Показатели	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.	2050 г., в % от 1950 г.	2050 г., в % от 2010 г.
Весь мир	11,8	7,9	7,2	4,7	3,1	26	43
Развитые страны	8,2	3,9	3,3	2,1	1,6	20	49
Страны со средними доходами	14,9	10,5	9,2	5,3	3,1	21	34
Россия	10,5	4,9	4,5	2,8	2,0	20	45

В мире выработаны два основных ответа на старение населения. Первый состоит в повышении пенсионного возраста – в некоторых случаях даже автоматическом – вслед за старением населения (Whitehouse, 2007). Основанием для такого подхода служит то, что прогресс медицины, поддерживающий рост общей продолжительности жизни, снижает распространение многих хронических заболеваний и, таким образом, продлевает также длительность активного периода жизни. Так, (Munnell, Soto, Golub-Sass, 2008) показали, что за период с 1970 по 2000 гг. в США продолжительность здоровой жизни 50-летних мужчин выросла на 4,3 года (с 23,2 до 27,5 лет). Тем самым более поздний выход на пенсию оказывается одновременно и необходимым, и возможным.

Второй подход состоит в переходе от распределительной к накопительной системе. Источником пенсионных выплат вместо взносов работников становятся собственные

обязательные накопления пенсионера, сделанные в период его трудовой активности. Таким образом, накопительный принцип радикально изменяет отношения между поколениями: на смену «солидарности» в рамках всей страны приходит принцип «каждый за себя». Накопительные пенсионные системы потенциально имеют ряд достоинств. Одно из главных состоит в «интернализации» последствий старения населения. Введение накопительных систем как бы выводит правительство из игры: оно передает возможный выигрыш от улучшения ситуации или проигрыш от ее ухудшения самим работникам. В результате у работников полностью меняются стимулы, что позволяет избежать «трагедии общин» применительно к пенсионной системе.

Для того чтобы пояснить эту мысль, сравним последствия старения в распределительной и накопительной системах. В стационарной ситуации коэффициент поддержки равен отношению среднего трудового стажа T и продолжительности пребывания на пенсии t . При старении населения увеличивается величина t , поэтому необходимо либо увеличить финансирование пенсионных выплат, либо смириться с падением коэффициента замещения. В накопительной системе коэффициент замещения также падает, однако есть и важное отличие: здесь не может возникнуть дефицит пенсионной системы – последствия старения населения не могут быть переложены на налогоплательщиков. Работники оказываются тогда лично заинтересованы в увеличении ставок пенсионных взносов либо – в повышении пенсионного возраста, поскольку это оказывается для них единственным способом увеличить размер пенсий.

Другой вариант ухудшения демографической ситуации – снижение рождаемости. С точки зрения пенсионной системы, это проявится в снижении числа работников и следовательно суммы пенсионных взносов. В распределительной системе последствия будут такими же, как при старении населения, – падение коэффициента замещения либо – необходимость в увеличении финансирования. В накопительной системе результат в данном случае оказывается иным: коэффициент замещения не меняется, т.е. потери не несут ни пенсионеры, ни налогоплательщики. На нынешнем этапе Международная ассоциация социального страхования рекомендует использовать смешанные пенсионные системы, сочетающие элементы накопительной и распределительной систем (ISSA, 2010). Можно предположить, что по мере старения населения мира, баланс в смешанных системах будет сдвигаться в сторону накопительных компонент. Этому способствует также динамичное развитие финансового сектора, расширяющее выбор инвестиционных инструментов и возможностей страхования накоплений.

Говоря о России, можно отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода возрастная структура российского населения лежит между соответствующими показателями

для развитых стран и стран со средним уровнем доходов, причем ближе к первым. При этом, однако, наша страна имеет существенно худшие значения коэффициента поддержки, чем развитые страны и страны с формирующимися рынками (Гурвич, 2011). Анализ показывает, что это объясняется двумя факторами: низким пенсионным возрастом в России и значительной долей теневого сектора в экономике. В представительной выборке стран ОЭСР пенсионный возраст составляет в среднем 65 лет для мужчин и 63 года для женщин, в выборке стран с формирующимися рынками эти значения равны 63 и 60 лет (Гурвич, 2011). Оценки теневого сектора в 162 странах (Schneider, Buehn; Montenegro, 2010) показывают, что в России его удельный вес в экономике значительно выше, чем в сопоставимых странах. Так, в Бразилии эта доля в 2007 г. составляла 37, в Турции – 29, ЮАР – 25, Индии – 21%, тогда как теневой сектор в России оценивается в 41% ВВП.

Подводя итоги, мы можем сделать два основных вывода. Во-первых, необходимо выработать системный ответ на проблему старения населения, охватившую практически все страны. По-видимому, такой ответ должен сочетать последовательное повышение пенсионного возраста с введением в пенсионные системы накопительной компоненты. Во-вторых, демографические показатели России и тенденции их изменения примерно соответствуют характеристикам, как развитых, так и сопоставимых с Россией стран по уровню экономического развития. При этом в нашей стране на пенсионные выплаты расходуется больше (в процентах ВВП), чем в странах ОЭСР (Гурвич, 2011). Это говорит о том, что низкий уровень коэффициента замещения определяется не объективными демографическими факторами, а значительным уклонением от налогов и неоправданно расточительной пенсионной политикой (низким пенсионным возрастом, мягкими требованиями к трудовому стажу и т.п.).

Литература

Гурвич Е.Т. (2011): Принципы новой пенсионной реформы // *Вопросы экономики*. № 4.

Росстат (2010): Предположительная численность населения РФ до 2030 года. М.: Росстат.

European Commission (2006): The Impact of Ageing on Public Expenditure: Projections for the EU25 Member States on Pensions, Health Care, Long-Term Care, Education and Unemployment Transfers (2004–2050). European Commission.

European Commission (2009): Ageing Report. European Commission.

Galor O. (2005): From Stagnation to Growth: Unified Growth Theory. In the Handbook of Economic Growth (P. Aghion and S. Durlauf eds.), North-Holland.

ISSA (2010): Dynamic Social Security for the Americas: Social Cohesion and Institutional Diversity. International Social Security Association. Geneva.

Munnell A., Soto M., Golub-Sass A. (2008): Will People Be Healthy Enough to Work Longer? Center for Retirement Research at Boston College. Boston.

Schneider F., Buehn A., Montenegro C. (2010): New Estimates for the Shadow Economies All over the World // *International Economic Journal*. Vol. 24. № 4.

UN (2008): World Population Prospects. The 2008 Revision. UN.

UN (2009): Population Ageing and Development. UN.

Whitehouse E.R. (2007): Life-Expectancy Risk and Pensions: Who Bears the Burden? Social, Employment and Migration. Working Paper № 60. OECD. Paris.